

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СИНЬЦЗЯН–УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ

Анна Владимировна БОНДАРЕНКО,

аспирантка Института Дальнего Востока РАН, г. Москва

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР является одним из пяти, где компактно проживают 47 национальностей, из них 13 являются коренными, т.е. жившими на территории современного СУАР до образования КНР в 1949 г. В 2005 г. численность национальных меньшинств на территории СУАР составляла 60,4% (12, 15 млн. чел. в более чем двадцатимиллионном Синьцзяне). Из них самой крупной национальностью являются уйгуры, составляющие почти половину (46%) всего населения Синьцзяна, или 9,24 млн. чел., число ханьцев достигает почти 8 млн. чел. (39,6%)¹.

Осуществление национальной политики на территории Синьцзяна опирается на Конституцию КНР и Закон КНР о национальной районной автономии, согласно которому подразумевается автономное управление национальных меньшинств в местах их сосредоточенного проживания в пределах компетенции, установленной законом и под единым руководством центральных органов власти, т.е. во всех политических и партийных органах должны работать представители национальных меньшинств. Так, в комитете Коммунистической партии Китая СУАР КНР из 6 заместителей секретаря комитета КПК 3 — уйгура, 2 ханьца и один казах; из 11 постоянных членов комитета 3 представителя нацменьшинств (2 уйгура и один казах).

Осенью 2006 г. было объявлено о повсеместном сокращении заместителей секретарей комитетов КПК провинциального уровня. Так, с 31 октября 2006 г. сократилась численность заместителей секретаря комитета Коммунистической партии СУАР КНР с 6 до 4 чел.; из них 2 ханьца и 2 представителя национальных меньшинств².

В Совете народных представителей СУАР КНР (по состоянию на ноябрь 2006 г.): председатель Совета — уйгур, из 9 заместителей: 3 уйгура, 3 ханьца и казах, киргиз, дунган (по одному).

В Народном правительстве СУАР КНР 10-го созыва: председатель — уйгур, из 9 заместителей — 4 представителя нацменьшинств (3 уйгура и 1 казах). Из 25 комитетов и управлений Народного правительства СУАР, во главе 16 из них стоят представители национальных меньшинств³.

В Народно-политическом консультативном совете (НПКС) СУАР КНР председателем комитета является казах по национальности; из 15 заместителей — 5 уйгуров, 1 монгол⁴.

Представители нацменьшинств СУАР есть и в центральных органах власти КНР. Одним из заместителей председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва является

уйгур Исмаил Аймат, заместителем председателя Всекитайского комитета НПКС КНР 10-го созыва также уйгур Абульхат Абдурисит⁵.

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР — один из религиозных центров Китая: 11,5 млн. чел., или почти 60% населения автономного района, исповедуют ислам. Большинство синьцзянских мусульман придерживаются суннизма, есть последователи шиизма и суфизма. Ламаизм считается второй самой крупной религией и распространен среди монголов (около 150 тыс. чел.). Кроме указанных выше религий на территории Синьцзяна проживают последователи буддизма (около 10 тыс. ханьцев), протестантизма (около 30 000 ханьцев), католичества (около 4000 ханьцев), православия (более 11 000 русских), даосизма (около 300 ханьцев), есть также приверженцы шаманства⁶.

В настоящее время в СУАР насчитывается 88 религиозных организаций, из них исламских ассоциаций — 79; 24 тыс. мест отправления религиозной деятельности, из них мусульманских мечетей 23 тыс.; религиозных преподавателей и служащих 20 тыс. чел.⁷

В основе религиозной политики, проводимой китайскими властями, лежит принцип свободы вероисповедания, согласно которому каждый гражданин имеет право свободного вероисповедания, имеет также право не исповедовать никакой религии.

Китай наряду с политикой свободного вероисповедания проводит также принцип разделения политики и религии, основные требования которого — разделение религиозных обществ с правительством и учебными заведениями: во-первых, государственные власти не вмешиваются во внутренние дела религии. Все связанные с религией внутренние дела решают сами религиозные организации и ассоциации, правительство не имеет права выполнять функции религиозных организаций и ассоциаций; отношение ко всем религиям и их течениям независимо от масштабов одинаковое. Государственные власти не могут выделять и запрещать какую-либо религию, если проводится нормальное вероисповедание и религиозная деятельность.

Во-вторых, религиозные организации и ассоциации не должны делить с государством власть, строжайше запрещается вмешательство религии в административные и законодательные дела государства, в образовательный процесс учебных заведений и социальное воспитание, в процессы брака и деторождения⁸.

Законодательная система в области управления религиозными делами в СУАР включает нормативно-правовые акты. «Временное постановление относительно управления местами религиозной деятельности в СУАР» (1988) является первым в истории Синьцзяна юридическим документом относительно религии. В 1990 г. синьцзянское местное правительство опять опубликовало «Временное постановление...», а в 1994 г. обнародовало «Правила СУАР относительно управления религиозными делами». Эти документы вместе с опубликованными указами Госсовета КНР «Постановление об управлении религиозной деятельностью иностранцев на территории КНР» (1994) и «Правила регулирования религиозной деятельности» (2004) образовали в Синьцзяне законодательную систему в области управления религиозными делами.

Официальные источники отмечают важные моменты в управлении религиозными делами: во-первых, выправляются все явления, нарушающие политику Китая относительно религии (вмешательство в права граждан на свободу вероисповедания и осуществления религиозной деятельности священнослужителями, попрание законных интересов религиозных организаций и т.д.); во-вторых, религиозная деятельность поставлена на рельсы закона, что стимулирует ее нормализацию⁹.

Проводимые китайским правительством меры в сферах национальной и религиозной политики направлены и на решение уйгурского вопроса, который включает в себя проблему «трех зол»: уйгурского сепаратизма, религиозного экстремизма и международного терроризма. Так, на территории СУАР КНР действуют организации и группы, целью которых является создание независимого государства «Восточный Туркестан».

В 90-е годы XX в. после распада Советского Союза и образования пяти независимых республик в Центральной Азии процесс обретения независимости и образования исламского государства «Восточный Туркестан» стал особенно громким: применялись теракты, взрывы, поджоги, перестрелки с представителями полиции; подрывная деятельность велась не только в СУАР, но и в Пекине.

После событий 11 сентября 2001 г. в США КНР примкнула к администрации Буша в борьбе с международным терроризмом, заявив, что и на территории Синьцзяна действуют международные террористические организации, которые получают деньги от «Аль-Кайды» и Бен Ладена. Одну из них «Исламское движение Восточного Туркестана» США в 2002 г. включили в свой официальный список международных террористических организаций, а позже — в список террористических организаций ООН.

Если до 2001 г. напряженная ситуация в Синьцзяне не афишировалась и официальные данные не всегда отражали полную картину, то после терактов в Вашингтоне и Нью-Йорке официальный Пекин решил предать ее огласке. Так, в декабре 2003 г. официальный Пекин опубликовал первый в истории Китая список, куда вошли 4 мусульманских движения и 11 лиц (преимущественно руководители этих движений), которые считались причастными к террористической деятельности на территории СУАР.

За последние несколько лет борьба со стороны уйгурских организаций и групп на территории Синьцзяна несколько поутихла, однако теперь они пытаются заручиться поддержкой мировой общественности. Их офисы функционируют главным образом в США (в Вашингтоне) и Германии (в Мюнхене), а также отделения в Турции, Бельгии, Казахстане, Киргизии¹⁰; в Москве такое отделение закрыто. Они заявляют, что власти КНР притесняют уйгурский народ, его право свободного вероисповедания и свободного отправления религиозных обрядов, право самостоятельно определять свою политическую принадлежность.

Как отмечают западные исследователи, например Фуллер Г. (бывший зам. председателя национального разведывательного совета ЦРУ США) и Липман Дж. (профессор истории в колледже Mount Holyoke), в последнее время в уйгурском движении произошел значительный сдвиг в сторону

«национализма с религиозным подтекстом и эмоциональной окраской более универсального характера¹¹, т.е. уйгурские активисты на фоне борьбы США с мусульманскими террористическими организациями упирают на притеснения в развитии уйгурской культуры, искусства, национального самосознания, а соответственно и самостоятельного определения гражданами, какого государства они хотят. Исламу отводится религиозная роль отнюдь не знамени, под которым сплачивается уйгурский народ в борьбе за свою независимость. Другой эксперт по уйгурскому вопросу Джоан Смит из Университета Ньюкасл (Великобритания) отмечает, что уйгуры в Синьцзяне находятся сейчас в «спокойном, прагматичном состоянии»¹² и считают лучшим для себя заниматься работой, зарабатывая на жизнь, чем рассуждать на политические темы и быть в скором времени схваченным полицией.

Что касается позиции США, то в будущем уйгурская карта может быть использована американцами, чтобы добиться уступок со стороны КНР в решении различных вопросов в Центральной Азии. Уйгурская американская ассоциация, выступающая за свободу определения уйгурской нации, вполне легально располагается в Вашингтоне. Более того, руководителем ассоциации стала Ребия Кадир, известная «уйгурская правозащитница и представительница уйгурского сообщества Китая», которая в сентябре 1999 г. была осуждена властями КНР на 8 лет тюрьмы за «разглашение секретных сведений иностранцам», но выпущена в марте 2005 г. перед приездом в КНР госсекретаря США Кондолизы Райс и депортирована в США. Известно, что она выступала перед Конгрессом США с докладами на тему притеснения китайскими властями этнических мусульман (уйгуров)¹³. Ребия Кадир в 2004 г. выиграла премию Рафто в области защиты прав человека, а в 2006 г. шведский парламентарий Анели Енохсон выдвинула её кандидатуру на получение Нобелевской премии мира¹⁴, что вызвало резкую критику со стороны официальных властей Синьцзяна¹⁵.

На наш взгляд, кардинальным образом ситуация не изменится. Китай никому не позволит аннексировать свою территорию. В Синьцзяне разведаны необходимые запасы природных ископаемых, его географическое положение, близость к странам Центральной Азии позволяют провести нефте- и газопроводы во внутренние китайские провинции. КНР заручается поддержкой соседних центральноазиатских государств, заключая договоры об экстрадиции преступников, находящихся на их территориях. Не стоит забывать и о Шанхайской организации сотрудничества, в рамках которой может осуществляться антитеррористическая деятельность.

В 2005 г. было официально объявлено об отсутствии терактов на территории КНР, но события 2007 г. говорят о том, что проблема сепаратизма до сих пор не снята с повестки дня. Так, в январе 2007 г. на официальном сайте газеты «Жэньминь жибао» появилась информация об уничтожении в Синьцзяне лагеря подготовки террористов, убийстве 18 из них и захвате 17 чел., изъятии оружия и компонентов для изготовления взрывчатки¹⁶. В будущем китайскому правительству придется искать более эффективное решение проблемы «трех зол».

Что касается российской позиции в уйгурском вопросе, она, по нашему мнению, должна быть предельно четкой: Синьцзян-Уйгурский автономный район является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики, соответственно политические и любые другие проблемы Синьцзяна — это внутренние дела Китая, в решение которых Россия вмешиваться не должна.

Однако значение самой крупной территориальной единицы Китая для России возросло. Прежде всего это связано с ростом торгово-экономического и научно-технического сотрудничества регионов Сибирского федерального округа и СУАР. Оптимальной формой взаимодействия России и китайского Синьцзяна стало бы развитие взаимовыгодного многостороннего сотрудничества как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

¹ Синьцзян тунцзи няньцзянь 2006 (Статистический ежегодник СУАР КНР 2006) (в электронном варианте).

² Шэнцзи цэнмянь данвэй цюаньянь «цзянь фу» (На всех уровнях уменьшается численность заместителей секретарей комитетов Коммунистической партии КНР) // Ляован дунфан чжоукань. 09.11.2006. С. 25.

³ <http://www.xinjiang.gov.cn>

⁴ http://www.tianshannet.com.cn/gov/node_12980.htm

⁵ Антонов В.И. Высшие государственные и партийные органы КНР // Китайская Народная Республика в 2004—2005 гг. Политика, экономика, культура / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2005. С. 376.

⁶ У Фухуань. Синьцзян тун лань (Очерк о Синьцзяне). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 50.

⁷ У Фухуань. Синьцзян тун лань... С. 51.

⁸ Ма Пиньянь. Религия в Синьцзяне. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2001. С. 29—30.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Более подробная информация об адресах уйгурских организаций: <http://ymyt.com/ru>

¹¹ Fuller G., Lipman J. Islam in Xinjiang // Xinjiang: China's Muslim borderland / ed. by S.F. Starr. N. Y.: Sharpe, 2004. P. 340.

¹² Counting the cost of expansion // http://www.thestandard.com.hk/news_detail.asp?we_cat=9&art_id=26122&sid=9641680&con_type=3&d_str=20060830

¹³ Конгресс США заслушал доклад о притеснении мусульман в Китае // http://ymyt.com/ru/1/299_1.shtml

¹⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Rebiya_Kadeer

¹⁵ Rebiya 'an insult to Peace Nobel' // http://english.people.com.cn/200701/09/eng20070109_339386.html

¹⁶ В Синьцзяне уничтожен лагерь подготовки террористов // <http://russian1.people.com.cn/31521/5259639.html>

SUMMARY: The article by A.V. Bondarenko "The National and Religious Policy of the People's Republic of China on the example of the Xinjiang Uygur Autonomous Region" is devoted to one of five autonomous regions of People's Republic of China. Where compactly live 47 nationalities of the country. It is one of the most important religious centers of China.

Realization of national policy in Xinjiang Uygur Autonomous region is based on realization of the Constitution and the Law of the People's Republic of China on the national regional autonomy.